

СТЕПНЫЕ ОГНИ

Пушкин

оренбург
ЧКАЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

05

с 79

СТЕПНЫЕ ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
А Л Ь М А Н А Х
ЧКАЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

3
КНИГА ВОСЬМАЯ

ЧКАЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1949

ПУШКИН В БЕРДАХ

«Правительство запретило народу толковать о Пугачеве... Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных».

А. С. Пушкин. История Пугачева

I

С месяц подано прошение,
Но молчит державный двор.
Наконец, о разрешение
Возвещает Бенкендорф.

Усмехается вельможа,
Перстнем по столу стуча:
— По такому бездорожью
Мчатся ради Пугача?!
Или не смогли сыскать
Подостойней личности?
Вам писать бы да писать
О Его Величестве!
О, мы ценим лиры глас,
Воздаём сторицею.
Вы порадовали б нас
Собственной «Фелицею».
Ах, бывало, сложит бард
Оду «На восшествие»,
Сразу видишь божий дар,
Огнь в душе божественный.
Воспевались в тех реченьях
Лица лишь престольные.

А теперь о подлой черни
Пишутся истории.
Нет, не тот уже Парнас!
Но... нельзя неволить стих.
В Кишенёв-с загнали Вас
Эти Ваши... «Вольности».
Не пора ль остыть уже?
Вы б о том подумали:
Нам давно не по душе
Ваше вольнодумие.
Хоть и дозволяет царь
Это путешествие,
Но... писали б, государь,
Оды «На восшествие».

...В сердце яростное жженье,
Гневом загорелся взор.
Нет, не кончено сраженье.
В путь-дорогу,
на простор!

II

За столом в казачьей хате
Гости с тетрадью записной.
Казачата на полатях
Шепчут:

— Барин, а не злой!
— Как зашёл он с атаманом,
Подозвал меня к себе:
«Как зовут-то?»
«Емельяном».
«О, сказал, так я к тебе».
— Это он нарошно... В шутку.
— Да не в шутку, говорю.
— Давеч сам учил Машутку,
Как читать по букварю.
А потом достал ей книжку,
Я видал, на книжке той
Дуб зелёный,
Кот учёный
На цепочке золотой...

Старики глядят с опаской:
— Может, тут какой подвох?
Песня — песней,
Сказка — сказкой,
Ну, а всё ж — не дай-то бог.

Ведь о ком? — о Пугачёве
Речь заводит.

— Не проста...

— Казака поймать на слове?!

Шутишь, брат, пора не та.

И у стен бывают уши.

Слово скажешь — и не рад.

— Ты, отец, поди послушай,

Что другие говорят.

— Был вечер я у фабричных,

Там идёт о нём молва:

Это гость, мол, необычный,

Всей России голова.

Мол, за ним царёвы слуги

Примечают каждый шаг.

Знать, с царём-то, ходят слухи,

Тоже, значит, на ножах...

Мол, за счастье посчитали

Повстречаться бы с самим.

А потом тайком читали —

В душу мне они запали,

Песни, сложенные им...

За столом в казачьей хате

Гость с тетрадю записной.

И внизу и на полатах

Сердцем чуют: это свой.

Пусть ответы односложны,

Пусть иной еще молчит,

Он находит осторожно

К сердцу каждому ключи.

И уже никто не сводит

Глаз со смуглого лица.

Скрытой думой о свободе

Раскрывает он сердца.

III

Песни, сказы и преданья

Полились в его тетрадь.

Вождь крестьянского восстанья

В Бёрдах властвует опять.

И по вздоху очевидца,

И по взорам молодых

Видно, как живёт и чтится

Образ, памятный для них.

Кровь повстанцев непокорных
В жилах каждого течёт.

— Вот как раз об эту пору
Зачинал он свой поход.

— Как яицкому народу
Объявил свой сан и лик,
Словно в бурю-непогоду
Всколыхнулся весь Яик.
Ждали мы его — не скрою,
Он же ратовал за нас.
Повстречали хлебом-солью,
Да, видать, не в добрый час.
— Силу чуяли в размахе,
Ан, недолго послужил:
В стольном городе на плахе
Буйну голову сложил...

— Ну, а если бы, допустим,
Взял он верх —

тогда, старик?

— Чаю, что с вершин до устья
Даровал бы нам Яик.
Даровал бы все угоды:
Землю, травы и леса...

— Что до разных благородий —
Был он, подлинно, гроза.
А для нас он был заступник,
Кликал детушками нас...

Тишина. Чуть ставень стукнет,
И течёт за сказом сказ.
Бунтова легко и плавно
Песнь старинную ведёт
Про того ли великана,
Что придёт еще, придёт...
Рядом Даль за словом слово
Отбирает,

цель своя:

Вот где речи-то основа,
Вот где клад для «Словаря»!
А поэт с казачки древней
Не спускает зорких глаз.
Ведь герой его творений
Как живой встаёт сейчас.

С виду будто бы рассеян,
Но как пламя взгляд и мысль.

Да, теперь куда яснее
Дни, что в сказы облеклись.
Все проверено на совесть,
Подсказал своё народ.
И «История» и «Повесть»
Быстро двинутся вперёд.
Вопреки писаньям, пошлым,
Лжи дворянской вопреки,
Он в основу книг положит
То, что молвят старики.
Пугачёв — «злодей», «ослушник»,
В грозном отблеске зарниц,
Волевым, великодушным
Встанет с пушкинских страниц.
Гневный истребитель рода
Диких бар-крепостников
Был он, этот самородок,
Друг свободы, враг оков...

Всё, что думал и услышал,
Всё поведать мудрено:
И в цензуре и повыше
Окорнают всё равно.
А неровен час — упрячут
К тем, что гибнут в рудниках...

Но великий подвиг начат
И останется в веках.

IV.

Хороша степная осень
В ясный полдень сентября.
Не покоя сердце просит,
А работы и тебя.
Ты не сетуй, что с дороги
Писем вовсе не пишу.
И в заботах и тревоге
Совершить своё спешу.
Ведь потом Россия спросит:
«Всё ли сделал для меня?»
Хороша степная осень,
В голубом сиянии дня.

Он идёт, певец народа,
По мятежной слободе.
Что за дивная погода!
Но, увы, еще нигде

Он не видел, чтобы люди
Улыбались, как она.
— И когда же полной грудью
Ты вздохнёшь, моя страна?
От Невы и до Тавриды
Он всю Русь исколесил.
Сколько боли и обиды
Он в груди своей носил!
Ведь народ родного края
Всем народам не чета!
А взгляни: кругом — какая
Темнота и нищета...

Он идёт, певец народа,
С омрачённою душой.
— Где же, где же ты, свобода,
Или зов не слышишь мой?

— Кто твоё явленье миру
В день желанный возвестит,
Кто бунтующую лиру
От оков освободит?

— Коронованный невежда,
Тот, что кровью обагрён?
Нет, не тешится надеждой
Ни на бога, ни на трон.

— Пугачёвская стихия?..
Хоть могуща и грозна,
Сбросить цепи вековые —
Нет, не в силах и она.

— И братьям-декабристам
Был сей труд не по плечу.
Где ж ты сила?

Отзовись ты,
Видеть я тебя хочу!

Далеко разносит эхо
Зов поэта. Но пока
От него за гранью века
Эта сила
далека...

Но он верит, свято верит,
Что придут ещё, придут

Те, кто в будущее двери
Смело настежь распахнут.

Он идёт, поэт мятежный,
По мятежной слободе,
Полон страсти и надежды,
Верен избранной Звезде.

Апрель—май
1949 г.